

Родионова К.А.

Студентка

3 курс, магистратура

Факультет «Подготовки специалистов для судебной системы»

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет

Правосудия»

Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК САМОИСПОЛНЯЕМЫЙ ДОГОВОР

Аннотация: Статья посвящена исследованию понятия, сущности и правовой природы смарт-контракта. Изучаются и сопоставляются трактовки данного термина, сформулированные российскими учеными, определяются плюсы и минусы использования смарт-контракта как основы для проведения сделок, в том числе для сделок с цифровыми валютами, анализируются особенности заключения и охраны смарт-контракта в гражданском законодательстве РФ. Отмечается необходимость определения и квалификации термина «смарт-контракт» как объекта правового регулирования.

Ключевые слова: смарт-контракт, договор, цифровое право, правоотношение, структуры, объекты правоотношений, содержание прав, квалифицирующие признаки.

SMART CONTRACT AS A SELF-EXECUTING CONTRACT

Summary: The article is dedicated to the study of the concept, essence and legal nature of a smart contract. In the article are studied and compared interpretations of this term formulated by Russian scientists. There are determined

the pros and cons of using a smart contract as the basis for conducting transactions including digital currencies. Author analyzes the features of the conclusion and protection of a smart contract in the civil legislation of the Russian Federation. In the article is noted the necessity of defining and qualifying the term "smart contract" as an object of legal regulation.

Keywords: *smart contract, contract, digital law, legal relationship, structure, objects of legal relationship, content of law, qualifying features.*

Стремительное развитие информационной среды привело к появлению множества новых технологий, благодаря которым произошли существенные качественные и количественные изменения во всех сферах жизни общества, начиная с бизнеса и заканчивая жизнедеятельностью государственного аппарата.

Развитие технологий привело к появлению технологии блокчейн, системы распределенного реестра, которая легла в основу такого понятия как «смарт-контракт». Смарт-контракты получили широкое распространение по всему миру и с каждым днем их популярность только растет. Это связано во многом с преимуществами смарт-контрактов, из которых можно назвать высокую скорость исполнения, а также исключение необходимости в посреднике, что также ведет к снижению денежных расходов. Кроме того, использование технологии блокчейн исключает возможность ошибок, вызванных человеческим фактором и невнимательностью.

Если говорить про сущность и определение «умного» контракта, то можно отметить два подхода, существующих в научной среде: технический и юридический. Если рассматривать смарт-контракт в техническом ключе, то он будет представлять из себя компьютерный код, который выполняет в заданном порядке обязательство. Так Л.А. Новоселова дает следующее определение смарт-контракту: это фрагмент кода, «который реализован на платформе блокчейн и инициируется блокчейн-транзакциями, а также организует

внесение записей в базу данных»¹. Алгоритм исполнения и условия такого контракта оформляются с помощью языка программирования, с использованием математических инструментов, что исключает вероятность расхождения трактовки условий сделки. Исполнение же умного контракта реализуется в компьютерной системе автоматически, без участия сторон и на заданных условиях, при наступлении определенных обстоятельств, указанных в программном коде.

Похожей позиции придерживаются Ю.В. Трунцевский и В.В. Севальнева, давая следующее определение: смарт-контракт это «компьютерная программа, автоматически выполняющая условия соглашения, которое является самоподдерживающимся»².

Резюмируя вышесказанное, мы получаем определение смарт-контракта как договора, условия которого прописаны в математических алгоритмах, и который исполняется автоматически при наступлении заданных программным кодом условий.

Подходы к определению сущности «умного контракта» с правовой позиции сильно разнятся, в зависимости от того, исходят ли авторы из возможности применения смарт-контракта только с привязкой к технологии распределенного реестра, или и в рамках других технологий.

В исследованиях Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой подчеркивается важность определения места смарт-контракта в уже устоявшейся пандектной системе российского права. Они отмечают, что чаще всего доктринальное понятие смарт-контракта формируется через родовое понятия «договор»³. А. А. Волос также полагает, что под смарт-контрактом следует понимать «запрограммированный договор»⁴. Другой правовед А.И.

---

¹ Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 36

² Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 141.

³ Право цифровой среды. Монография. / под ред. к.юр.н. Т.П. Подшивалова, к.юр.н. Титовой Е.В., к.юр.н. Громовой Е. А. Москва. 2022. Стр. 444.

⁴ А.А. Волос Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. №12. С.5.

Савельев поддерживает данную позицию, определяя смарт-контракт как «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн»⁵.

Несмотря на все плюсы, в использовании смарт-контракта есть также и свои подводные камни. Во-первых, отсутствие четких механизмов по выявлению и устранению ошибок в коде, что создает определенные финансовые риски для участвующих сторон. Ведь если ошибка будет обнаружена после исполнения смарт-контракта, то исправить ее уже будет невозможно. Во-вторых, отсутствие ясного юридического статуса, т.к. смарт-контракт до сих пор никак не обозначен в российском законодательстве, хотя впервые он был обозначен как «договор» еще в Аналитическом обзоре Центрального Банка РФ, опубликованном в октябре 2018 года. Тогда ЦБ РФ определил смарт-контракт как договор с особыми признаками: самоисполняемость, автоматизация, прозрачность и т.д.

Кроме того, попытка обозначить место смарт-контракта в системе регулирования была сделана в первой редакции Федерального закона №259 от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О Цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В ней под смарт-контрактом понимался «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств»⁶.

---

⁵ Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву. // Журнал Закон. 2017. №5. С.100 URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7059> (дата обращения 20.11.2022).

⁶ Федеральный Закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О Цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». (первая редакция от 20.30.2018).

Резюмируя вышесказанное. Во-первых, смарт-контракт является неоднозначным по своей правовой природе, так как с позиции правоведов он представляет собой самоисполняемый электронный договор, однако в российском законодательстве он вовсе не имеет никакого определения. Во-вторых, с технической стороны смарт-контракт является компьютерной программой, в автоматическом режиме исполняющей обязательство при наступлении заданных в программном коде условий.

Отсутствие определения, квалификации и регулирования в правовом поле таких повсеместно используемых в современном цифровом обществе явлений как блокчейн и смарт-контракт создают серьезные сложности при их использовании для обычных граждан, а также невозможность адекватной правовой и судебной защиты прав субъектов, заключающих подобные гражданские соглашения. Закрытие данного пробела в поле гражданского правового регулирования должно стать одной из важнейших задач законодательства в ближайшее время. Ведь именно по скорости приспособления государственной и правовой системы к скачкам технического прогресса можно судить об успешности государства в современном мире.

Литература:

1. Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 36.
2. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 141.
3. Право цифровой среды. Монография. / под ред. к.юр.н. Т.П. Подшивалова, к.юр.н. Титовой Е.В., к.юр.н. Громовой Е. А. Москва. 2022. Стр. 444.
4. А.А. Волос Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. №12. С.5.

5. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву. // Журнал Закон. 2017. №5. С.100 URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7059> (дата обращения 20.11.2022)
6. Федеральный Закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О Цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». СЗ РФ от 2020г., №31, ст.5018

Literature:

1. Novoselova L.A. “Tokenization” of objects of civil law // Economy and law. 2017. No. 12. P. 36.
2. Truntsevsky Yu. V., Sevalnev V.V. Smart contract: from definition to certainty // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. P. 141.
3. Law of the digital environment. Monograph. / ed. Ph.D. T.P. Podshivalova, Ph.D. Titova E.V., Ph.D. Gromovoi E. A. Moscow. 2022. Pg. 444.
4. A.A. Volos Smart contracts and principles of civil law // Russian Justice. 2018. No. 12. С.5.
5. Savelyev A. I. Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law. // Journal Law. 2017. No. 5. С.100 URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7059> (accessed 11/20/2022).
6. Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020 “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. SZ of the Russian Federation of 2020, No. 31, art. 5018.